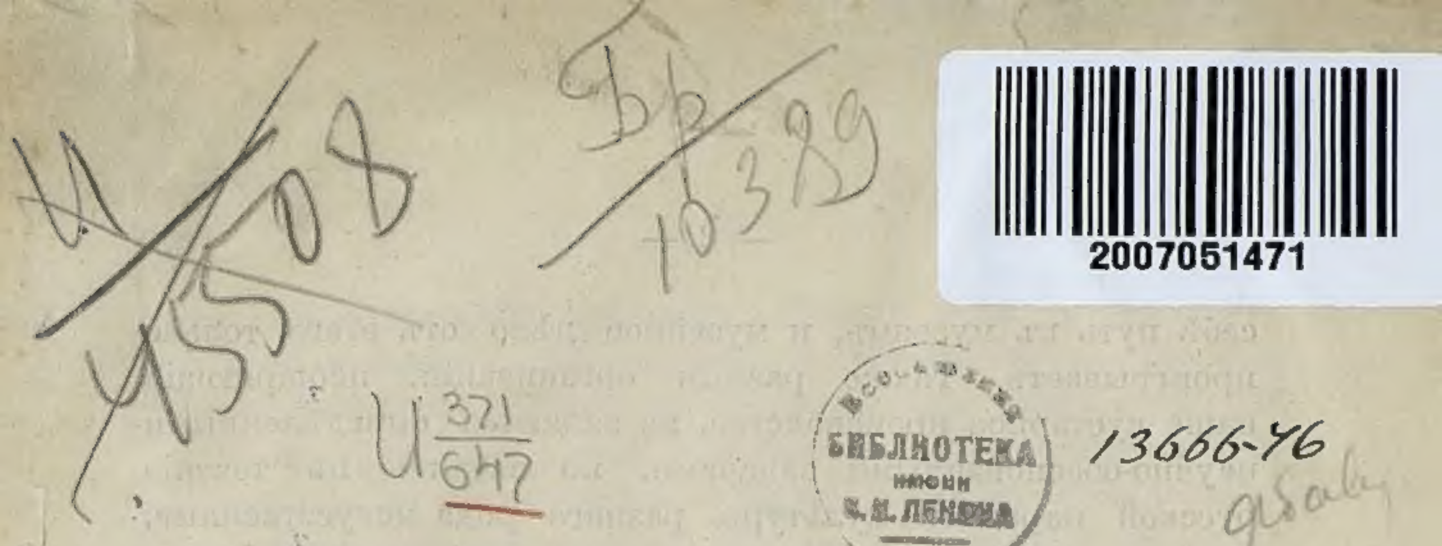

И
371
647



Изъ исторіи женскаго южно-великорусскаго костюма.

Наблюденія, замѣтки и пожеланія.

Все разрастающійся интересъ къ изученію матеріальной культуры русскаго народа заставляетъ меня выступить съ настоящимъ очеркомъ, набросаннымъ лишь въ рамкахъ предварительнаго обзора нѣкоторыхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ женскаго южно-великорусскаго костюма.

Спѣшить съ этимъ предварительнымъ очеркомъ меня побуждаютъ также нѣкоторые факты, на мой взглядъ важные въ дѣлѣ правильной постановки этнографическихъ изслѣдованій въ вышеуказанной области.

Эти факты прежде всего—необыкновенно оживленное въ настоящее время у насъ коллекціонированіе предметовъ народнаго быта: музейное, любительское и коммерческое; затѣмъ—развитіе нѣкоторыхъ правительственныхъ, земскихъ и вообще общественныхъ организацій, направленныхъ какъ на изученіе народно-бытовой жизни, такъ и на поощреніе къ развитію тѣхъ или другихъ такъ-называемыхъ кустарныхъ народныхъ производствъ, какъ, напр., ковроваго, кружевного, полотнянаго, игрушечнаго, бисернаго и т. д.; наконецъ надо еще указать на развитіе популярно-научной литературы, въ видѣ очерковъ обобщающаго характера какъ по исторіи того или другого вида изъ области матеріальной культуры, такъ и по анализу составляющихъ данный видъ элементовъ.

Что касается коллекціонированія этнографическихъ предметовъ, то мнѣ нерѣдко приходилось видѣть, какъ любительское или коммерческое коллекціонированія пробиваютъ

себѣ путь къ музеямъ, и музейное дѣло отъ этого только проигрываетъ. Также разныя организаціи, поощряющія наше кустарное производство, не задаются опредѣленными научно-обоснованными задачами, но вводятъ въ теченіе русской народной культуры разнаго рода искусственные, нерѣдко чуждые имъ элементы, засоряющіе смыслъ самобытнаго народнаго творчества. Наконецъ, насколько авторы изслѣдованій на общія темы по матеріальной культурѣ или инициаторы равносильныхъ предпріятій для развитія народнаго творчества въ этой области мало понимаютъ свои задачи и возможность ихъ осуществленія, достаточно указать нѣсколько примѣровъ изъ фактовъ недавняго прошлаго.

Въ одномъ земскомъ собраніи было внесено любителемъ народной старины предложеніе изучить исторію всѣхъ народныхъ промысловъ данной губерніи съ древнѣйшихъ временъ, при чемъ было указано, что источниками для этого могутъ служить лѣтописи, другія древнія рукописныя произведенія, коллекціи историческихъ, археологическихъ и этнографическихъ музеевъ и наконецъ, описаніе этихъ промысловъ, произведенное (будто бы) ститистическими организаціями земства. Когда это предложеніе обсуждалось потомъ въ спеціальной комиссіи и я давалъ по нему свое заключеніе, я, конечно, указалъ на безсиліе всѣхъ указанныхъ источниковъ и предложилъ другую программу для изслѣдованія народной матеріальной старины. Но эта программа была связана, во-первыхъ, съ большими расходами, и во-вторыхъ, и это главное, она не сулила въ ближайшемъ будущемъ никакихъ обобщающихъ выводовъ, а лишь давала систематическое собраніе предметовъ и научное ихъ описаніе.

Характерны также и нерѣдкія обращенія ко мнѣ съ такого рода запросами: указать литератору и музейныя коллекціи, по которымъ можно было бы изучить и написать исторію русской прялки, или: развитіе орнамента на деревянныхъ предметахъ той или другой категоріи предметовъ, или: эволюцію русскаго народнаго костюма по губерніямъ, или: таковую же эволюцію костюма съ древнѣйшихъ вре-

менъ по отдѣльнымъ областямъ Россіи, или: русскій народный орнаментъ, или: технику и орнаментъ малороссійскихъ тканыхъ ковровъ со временъ казачества и до нашего времени и т. д. и т. д. Этнографу ясенъ смыслъ этихъ запросовъ; но въ научно-популярной литературѣ подобнаго рода темы эксплоатируются въ расчетѣ только на одно: возбудить очередной интересъ въ читателѣ.

Я сдѣлалъ эти предварительныя замѣчанія, чтобы показать, что и въ своемъ очеркѣ „по исторіи“ костюма, до минимальныхъ предѣловъ ограничивая предметъ своего обзора, я все же буду имѣть дѣло съ очень сложнымъ вопросомъ, который въ настоящее время, при настоящемъ состояніи русской матеріальной этнографіи, оборудованъ очень скудно.

Обращаясь однако къ этому вопросу, остановимся сначала на возможности изученія костюма вообще. Здѣсь прежде всего нужно отмѣтить, что это изученіе не можетъ быть проведено по тенденціи какой-либо одной научной области, т.-е. или естественно-исторической, или общественно-культурной, или историко-культурной, или даже научно-технической и т. д. Въ сложеніи исторіи костюма принимали участіе факторы изъ всѣхъ вышеозначенныхъ областей, подчиненныхъ контролю нашего научнаго сознанія. Поэтому я лично никогда бы не считалъ возможнымъ успѣшное, достовѣрное изученіе исторіи костюма съ точки зрѣнія антропогеографической, какъ это сдѣлалъ, напр., Биганъ для костюма полярныхъ народовъ въ своихъ „Die Polarvölker“ [1]). Я не считалъ бы также примѣромъ, достойнымъ теперь подражанія, очень цѣнный трудъ Акселя Гейкеля „Trachten und Muster der Mordwinen“, на который смотрю, какъ на богатое собраніе матеріаловъ, требующее дополнительнаго обслѣдованія.

Изученіе костюма слагается изъ двухъ условій: 1) описанія костюма и 2) анализа этого описанія. Описаніе костюма можетъ происходить какъ по костюмамъ на мѣстѣ его бытованія, такъ и по музейнымъ коллекціямъ. Въ обоихъ

---

[1]) См. мою рец. въ „Этн. Обозр.“, кн. LXXXIV—LXXXV.

случаяхъ должно быть зафиксировано время, мѣсто, общественно-культурныя условія и разныя другія обстоятельства, связанныя съ происхожденіемъ и бытованіемъ костюма или отдѣльныхъ его элементовъ; кромѣ того, къ каждому костюму или къ отдѣльнымъ его элементамъ нужны рисунки, схематичные чертежи, номенклатура всего костюма, его частей, техническихъ пріемовъ его производства и т. д., наконецъ, должно быть обслѣдовано село за селомъ, волость за волостью, районъ за райономъ, и въ результатѣ должна быть достовѣрная и детальная карта географическаго распространенія костюма. Спрашивается, много ли въ нашихъ русскихъ этнографическихъ музеяхъ найдется костюмовъ, описанныхъ съ соблюденіемъ этихъ требованій. и много ли мы знаемъ вообще описаній народныхъ костюмовъ, соблюдающихъ вышеуказанныя условія. Даже очень цѣнныя коллекціи Дашковскаго Этнографическаго музея тѣмъ не менѣе не могутъ претендовать на подобнаго рода научное значеніе, потому что онѣ собирались въ то время, когда наука не предъявляла изслѣдователю народно-матеріальнаго быта тѣхъ требованій, которыя ему предъявляются теперь. Поэтому коллекціи Дашковскаго Этнографическаго музея могутъ служить хорошимъ матеріаломъ для изслѣдователя, лишь постольку, поскольку онъ нуждается въ томъ или другомъ предметѣ, достовѣрно-старомъ, не моложе 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія (а тамъ имѣются костюмы и болѣе старые, напр., временъ Пугачова), затѣмъ—поскольку эти костюмы позволяютъ дѣлать тѣ или другія группировки, обобщенія и т. д. Но можно думать, что если для этихъ коллекцій сорганизовать дополнительныя излѣдованія, собранія и описанія на мѣстахъ, то Дашковское музейное богатство возрастетъ въ своей цѣнности значительно. Это дѣлаютъ теперь для своихъ коллекцій даже такіе образцовые музеи, какъ Берлинскій Völkerkundemuseum, недавно сорганизовавшій экспедицію для дополнительнаго изученія своихъ лопарскихъ коллекцій.

Итакъ, только съ наличностью достовѣрныхъ и научно-обстоятельныхъ описаній костюма и коллекцій костюма можно приступать къ анализу костюма.

Въ дальнѣйшемъ я имѣю въ виду обратить вниманіе на двѣ группы южно-великорусскаго женскаго костюма: 1) поневу и рогатую кичку и 2) сарафанъ и кокошникъ.

Въ теченіе многихъ лѣтъ знакомясь съ коллекціями Дашковскаго Этнографическаго музея, я не могъ прійти даже къ мысли о подобнаго рода группировкѣ по коллекціямъ музея. Но, обращая вниманіе на головные уборы музея съ одной стороны и на женскія поневы, юбки и сарафаны съ другой, я могъ намѣчать лишь нѣкоторые общіе контуры и то въ группахъ иного порядка, при чемъ цѣлый рядъ отступленій и противорѣчій дѣлали задачу группировки неразрѣшимой. Я, впрочемъ, ниже еще вернусь къ этимъ моимъ попыткамъ намѣтить нѣкоторыя группировки по музейному матеріалу. Но вотъ недавно вышелъ трудъ Д. К. Зеленина: „Великорусскіе говоры съ неорганическимъ и непереходнымъ смягченіемъ задне-небныхъ согласныхъ въ связи съ теченіями позднѣйшей великорусской колонизаціи“. Все, что въ этой книгѣ я прочелъ о костюмѣ, меня глубоко заинтересовало, и для меня просвѣтлились многія комбинаціи въ методѣ изученія великорусскаго, отчасти и инородческаго, костюма, которыя раньше казались неразрѣшимыми. Здѣсь я и останавлюсь нѣсколько подробнѣе на данныхъ работы г. Зеленина.

Цѣль его книги двоякая: 1) лингвистическая, сводящаяся къ тому, что неорганическое смягченіе т.-н. гортанныхъ (будемъ дальше обозначать это упрощеннымъ терминомъ „мягкое к“ или просто: „м. к.“) есть черта однодворческаго говора, порожденнаго соціальными условіями, извѣстной модой въ извѣстномъ классѣ и подражаніемъ модѣ (примѣры: маманькя, чайкю); 2) этнографическая, заключающаяся въ томъ, чтобы подтвердить на своемъ изслѣдованіи перваго вопроса необходимость историко-этнографическихъ комментаріевъ, а эти послѣдніе именно и состоятъ въ обзорѣ выше мною намѣченныхъ двухъ группъ женскаго южно-великорусскаго костюма: панева—кичка и сарафанъ—кокошникъ. Такимъ образомъ, у Д. К. Зеленина вторая цѣль является лишь попутной, скорѣе какъ бы средствомъ для иллюстраціи перваго вопроса. Я же его

обзоръ названныхъ частей костюма дѣлаю главнымъ предметомъ моихъ разсужденій въ настоящемъ очеркѣ.

Схему анализа Д. К. Зеленина я понимаю такъ: 1) однодворцы—группа соціальная, а не этнографическая; 2) мягкое к, извѣстное въ великорусскихъ говорахъ, констатируется только или въ группѣ существующихъ однодворцевъ или въ группѣ имѣющей однодворческое происхожденіе; 3) подтвержденіе этому мы видимъ въ костюмѣ: однодворцы, какъ служилые люди Московскаго государства, несли съ собой черты этого района и въ костюмѣ, т.-е. сѣверно-великорусскій сарафанъ и сѣверно-великорусскій кокошникъ, но ихъ служба была направлена въ южно-великорусскія степи, стало быть здѣсь среди южно-великорусскаго населенія они выдѣлялись этими сѣв.-в. особенностями костюма (на ряду съ языкомъ, типомъ жилища и т. д.); 4) гдѣ въ южно-великорусской области мы утратили свѣдѣнія объ однодворческомъ происхожденіи населенія, тамъ наличность мягкаго к и сѣв.-в. чертъ головного убора и сарафана возстанавливаютъ исторію; 5) такъ какъ южновеликорусскому населенію (не однодворческому) не свойственно м. к., а въ костюмѣ оно имѣетъ вмѣсто кокошника кичку, вмѣсто сарафана поневу, то наличность этихъ принадлежностей костюма (кички и поневы) и отсутствіе въ говорѣ м. к. говорятъ о древнѣйшихъ (до прихода однодворцевъ) обитателяхъ южной Великороссіи, или же о позднѣйшихъ, послѣ прихода однодворцевъ, переселенцахъ изъ неоднодворческихъ районовъ.

Но это—только схема. Она однако весьма поучительна. Если мы взглянемъ на приложенную къ работѣ Д. К. Зеленина карту в.-р. говоровъ съ м. к., то увидимъ, что м. к. обнимаетъ собою области и т. н. сѣв.-великорусскихъ говоровъ и такъ-называемыхъ южно-великорусскихъ говоровъ: отъ Тотьмы до Новочеркаска по широтѣ и отъ Брянска до Нолинска (Вятской губ.) по долготѣ; но захватываетъ оно не всѣхъ сѣверно-и южно-великоруссовъ, а лишь спорадически или полосой. Изъ этого несомнѣнно слѣдуетъ, что м. к. не есть органическое явленіе великорусскихъ говоровъ или каждаго изъ ихъ подраздѣленій, и что

въ распространеніи м. к. по территоріи Россіи играютъ роль особыя условія. Д. К. Зеленинъ отмѣчаетъ, что это явленіе въ в.-р. говорахъ сравнительно новое: данныя письменныхъ памятниковъ свидѣтельствуютъ, что оно начинаетъ встрѣчаться лишь съ самаго конца XV вѣка (стр. 22). Къ этому же времени и даже еще въ XIV вѣкѣ весь югъ Россіи представлялъ пустыню, благодаря набѣгамъ ногаевъ и крымскихъ татаръ. Это запустѣніе южно-великорусской степи сыграло большую роль и въ исторіи русскихъ говоровъ и въ исторіи южно-великорусскаго костюма.

Для цѣлей Д. К. Зеленина нуженъ былъ обзоръ и сѣверно-великорусскихъ и южно-великорусскихъ областей, захваченныхъ вышеуказаннымъ появленіемъ м. к. я же остановлюсь только на южно-великорусскихъ областяхъ, такъ какъ считаю, что только для нихъ имѣется болѣе или менѣе достаточный матеріалъ, характеризующій съ соціальной, исторической и этнографической стороны группировку: понева-кичка и кокошникъ-сарафанъ.

Здѣсь, прежде всего, надо остановиться на комбинаціи этихъ четырехъ принадлежностей костюма. Южно-великорусская понева имѣетъ нѣсколько типовъ. Наиболѣе типичная — простая синяя клѣтчатая понева, не сшитая; при надѣваніи она облегаетъ задъ и оставляетъ прорѣху спереди; она близко подходитъ къ малорусской запаскѣ. Когда прорѣха, или „прошва“, зашивается кускомъ другого цвѣта, получается глухая понева, видъ юбки, или понева съ прошвой. Затѣмъ послѣдняго типа понева дѣлается изъ одноцвѣтной матеріи — получается обыкновенная юбка. Всѣ эти три вида поневы встрѣчаютъ въ южно-великорусскомъ населеніи при иныхъ различныхъ комбинаціяхъ.

Что касается сарафана, то происхожденіе его Д. К. Зеленинымъ хотя и выводится изъ московской и вообще сѣверной области, но опредѣляется недостаточно ясно. Дѣло въ томъ, что онъ видитъ юбку у однодворцевъ, которые, по его схемѣ, должны имѣть сарафанъ; но эта юбка развилась или изъ поневы, „какъ сознательное приближеніе къ высшему дворянскому костюму — сарафану“, или могла быть принесена съ запада (стр. 59—60). Итакъ, юбка изъ поневы

и юбка какъ приближеніе къ сарафану — два факта, нѣсколько затемняющіе схему. Но изъ дальнѣйшаго видно, что „дворянская юбка“ обыкновенно не клѣтчатая, какъ юбка изъ поневы, и не „съ прошвой“, а одноцвѣтная, большею частію красная. Что же касается вліянія на южно-великорусскую поневу-юбку со стороны Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Малороссіи, то этотъ вопросъ нужно считать, я думаю, требующимъ особыхъ изслѣдованій. Я, впрочемъ, ниже остановлюсь на нихъ, когда буду говорить о другихъ группировкахъ костюма.

Головные уборы не такъ устойчивы, какъ поневы, юбки и сарафаны. Это объясняется и большею измѣнчивостью моды въ этой принадлежности костюма, и волей помѣщиковъ (запрещавшихъ, напр., носить кички), и универсальной ролью платка, сбросившаго мѣстами и кичку и кокошникъ, а также нѣкоторыми другими условіями. Но опять же можно согласиться съ схемой Д. К. Зеленина, что южно-великорусской поневѣ (безъ прошвы, съ прошвой и поневѣ-юбкѣ) сопутствуетъ рогатая кика или ея замѣстители (чаще платокъ), сѣверно-великорусскому сарафану — кокошникъ или его замѣстители (нерѣдко тоже платокъ).

Всѣ эти варіаціи въ костюмѣ — не случайны. Для нихъ есть историческія причины, нѣкоторыя изъ которыхъ мы можемъ прослѣдить вмѣстѣ съ исторіею колонизаціи южно-великорусской степи.

Я ниже остановлюсь на губерніяхъ: Рязанской, Тамбовской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской и Воронежской. Передъ нами пройдутъ факты поразительной важности: однодворцы, выходцы изъ сѣверной Великороссіи, будутъ играть первенствующую роль какъ своимъ соціальнымъ вліяніемъ, такъ и своею численностью; мѣстные же южно-великоруссы будутъ то отливать, то приливать въ данные районы, значительно сохраняя свои характерныя черты въ костюмѣ, равно какъ въ типѣ жилища и языка. При этомъ интересно также, что однодворцы чѣмъ южнѣе (въ Курской и Воронежск. губерніяхъ), тѣмъ многочисленнѣе и сохраннѣе, хотя пришли туда и позже. Объясняетъ это Д. К. Зеленинъ тѣмъ, что при поступательномъ движеніи служилыхъ людей

на югъ, съ мѣста снимались пограничные, т.-е. ранѣе пришедшіе служилые люди, и шли на югъ, а новые, пришедшіе съ сѣвера, садились на ихъ мѣсто. Поэтому воронежскіе и курскіе однодворцы, въ сущности, самые старые однодворцы изъ всѣхъ шедшихъ отъ Москвы на югъ. Что же касается исконныхъ южно-великоруссовъ, то для консервированія ихъ, если такъ можно выразиться, въ болѣе сѣверныхъ губерніяхъ служили полѣсья: напр., рязанское, калужское, тульское, орловское и т. д. Эти полѣсья были своего рода резервуарами, куда, во время набѣговъ кочевниковъ, отхлынивали волны южно-великорусскаго населенія, а съ наступленіемъ мирныхъ дней, они покидали эти резервуары ради черноземныхъ степей и шли ихъ снова обрабатывать.

Но надо оговориться, что здѣсь играли роль и имѣли вліяніе въ типахъ костюма не только двѣ означенныя группы великороссовъ, но также и группы сосѣдей, въ томъ числѣ и инородцевъ, о чемъ я буду говорить ниже.

Рязанцы одни изъ первыхъ подверглись нашествію кочевниковъ и уходили на Оку въ Мещерское полѣсье, къ тому же еще и болотистое. Такимъ бразомъ, рязанцы не бѣжали на западъ, какъ другіе южно-великоруссы, оттого они болѣе архаично сохранили свои южно-великорусскія черты. Обращаясь къ схемѣ Д. К. Зеленина, мы имѣемъ въ 1850 г. въ Рязанской губерніи $46^1/_2$ тысячъ однодворцевъ, при чемъ вопреки схемѣ однодворцы почти не носятъ дворянскаго костюма. Это Д. К. Зеленинъ объясняетъ тѣмъ, что „рязанскіе военно-служилые люди меньше всего имѣли связей съ Москвой, такъ какъ у нихъ своего народу было вполнѣ достаточно“ (317 стр.). Если поразительна архаичность однодворцевъ на югѣ Великороссіи, то не менѣе поразительна, по-моему, и архаичность рязанскихъ южно-великороссовъ, въ частности ихъ женскаго костюма. Дѣйствительно, еще рукописныя свѣдѣнія 1850-хъ годовъ отмѣчаютъ здѣсь поневу и рогатую кичку; московскій же костюмъ сталъ распространяться у помѣщичьихъ крестьянъ лишь въ недавнее время. Здѣсь также слабо и вліяніе московскаго говора.

Тамбовская губернія стала заселяться недавно. На сѣверѣ губерніи русское населеніе стало селиться уже въ XVI вѣкѣ;



до него здѣсь была лишь Мещера и „въ Мещерѣ“ построенъ былъ городъ Шацкъ. Даже въ XVII вѣкѣ сѣверные уѣзды были почти исключительно мордовскими или татарскими. Колонизовался Тамбовскій край рязанцами, а также и изъ „около-московскихъ областей“: колонизаторскую дѣятельность проявили монастыри и бояре (особенно Романовы), а также, благодаря щедротамъ Екатерины II и Павла I, дворяне. Эта пестрая, и недавняя исторія Тамбовскаго края, должна была самымъ хаотическимъ образомъ сказаться на типѣ населенія и, въ частности, на типѣ его костюма. У Д. К. Зеленина данъ интересный обзоръ говора губерніи. Больше всего однодворцевъ на югѣ губерніи, гдѣ были сторожевыя линіи, до 250 тысячъ душъ въ 1850 г. У однодворокъ „шерстяныя тканыя разноцвѣтными полосами юбки и ситцевые сарафаны, душегрѣйки и корсеты; рогатыхъ кичекъ и шушуновъ нѣтъ. У барскихъ крестьянокъ—рогатыя кички, поневы и бѣлый, безъ разрѣза напереди, шушунъ“ (стр. 337). У нарышкинскихъ крестьянокъ Моршанскаго уѣзда—„поневы изъ синяго сукна съ бѣлымъ полотнянымъ прошивомъ, на головѣ „калатовка“ съ сорокой и „дырника“; у мещеры поневы безъ прошвы, не сшитыя напереди, рогатыя кички и черныя онучи“ (стр. 337,—свѣдѣнія 1850-хъ гг.). У нѣкоторыхъ однодворцевъ (Лебед. у.) отмѣчены и крестьянскіе костюмы: поневы и рогатыя кички, т.-е. то же, что встрѣчается и у рязанскихъ однодворцевъ.

Населеніе Тульской губерніи представляло чрезвычайно пеструю картину. Однодворцевъ здѣсь въ концѣ 1830-хъ гг. было около 55 тысячъ душъ, а уже въ 1850-хъ годахъ только $26^1/_2$ тыс. душъ, и въ южныхъ уѣздахъ ихъ болѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ. Костюмъ ихъ описанъ еще П. Сумароковымъ въ 1839 г. (Прогулка по 12-ти губерніямъ), и, соотвѣтственно схемѣ Д. К. Зеленина, отличается отъ крестьянскаго. Но въ Новосильскомъ уѣздѣ группа однодворцевъ, извѣстная подъ названіемъ „казаки“, носитъ поневу и кичку и даже по говору ближе стоитъ къ крестьянскому населенію. Д. К. Зеленинъ объясняетъ это гипотезой, что новосильскіе казаки, быть можетъ, были рязанскими выходцами, а рязанскіе однодворцы, какъ сказано выше, мало воспри-

няли вліяній сѣверно-великорусскихъ. Здѣсь же встрѣчаются и полѣсскіе говоры, благодаря близости орловско-калужскаго полѣсья. Въ Бѣлевскомъ уѣздѣ среди крестьянъ возможны вліянія также малорусскія, въ Богородицкомъ, наоборотъ, сѣверно-великорусскія. Въ этомъ уѣздѣ преобладаютъ поневы и рогатыя кички. Однодворческія черты, въ томъ числѣ и м. к., сильнѣе выражены на западѣ и югѣ Тульской губерніи и очень слабо на востокѣ и сѣверѣ губерніи. Есть и такіе интересные факты, какъ два типа костюма у однихъ и тѣхъ же крестьянъ Каширскаго уѣзда въ 1840-хъ гг.: въ праздники юбки (шубки) на помочахъ, но въ будни „понява до колѣнъ", клѣтчатая, изъ красной и черной шерсти, съ синею холщевою прошвою. (Кн. Мещерскій, Н. Преображенскій, Ив. Успенскій и др.). Въ другихъ уѣздахъ, гдѣ есть м. к. и другіе признаки однодворчества, имѣются указанія на различіе типовъ костюма однодворцевъ и крестьянъ. Заселена Тульская губернія сравнительно недавно, главныя волны переселенцевъ прошли въ XVI в., и стало быть только на пространствѣ 3-хъ—4-хъ вѣковъ сложилась та пестрая картина крестьянскаго быта, которая является чрезвычайно поучительною и въ изученіи народнаго костюма.

Въ населеніи Орловской губерніи мы имѣемъ дѣло съ большимъ вліяніемъ многочисленнаго класса однодворцевъ, потомковъ военно-служилыхъ людей; но, съ другой стороны, здѣсь играетъ также большую роль полѣсье съ его полѣшуками. Въ 1850 г. однодворцевъ въ губерніи было 150 тысячъ душъ, больше всего въ Елецкомъ, Ливенскомъ, Малоархангельскомъ и Орловскомъ уѣздахъ; помѣщичьихъ крестьянъ въ губерніи было лишь 47,2% всего населенія. Цѣлый рядъ авторовъ описываетъ однодворческій костюмъ Орловской губерніи. Въ 1840-хъ гг. „однодворка въ отличіе крѣпостныхъ поневницъ, носила красную юбку". Въ 1870-хъ годахъ „по настоящей дворянской юбкѣ" можно было отличить „въ одномъ и томъ же полѣ на работѣ однодворокъ отъ крестьянокъ въ поневахъ". Въ полѣсскихъ уѣздахъ, при преобладаніи въ нихъ поневъ и кичекъ, бывшія однодворки носили большею частію въ будни „юбки—суконныя красныя,

синія и прочихъ цвѣтовъ, при чемъ голову повязывали платками, въ праздники—сарафаны, а на головѣ—„сборники, кокошники и повойники“; извѣстны были у однодворокъ и душегрѣйки. Д. К. Зеленинъ, отмѣчая при этомъ наличность юбокъ и сарафановъ у однодворокъ, объясняетъ юбки мѣстнымъ и западнымъ вліяніемъ, а сарафаны московскимъ.

Мѣстные однодворцы—потомки тѣхъ служилыхъ людей, которые подвигались съ сѣвера, осѣли здѣсь въ XVI и XVII вв., предоставивъ свои прежнія мѣста болѣе новымъ людямъ. Составъ этихъ однодворцевъ смѣшанный. Что же касается барскихъ крестьянъ Орловской губерніи, населенія болѣе поздняго, то они дѣлятся на рядъ мелкихъ этнографическихъ группъ, различныхъ другъ отъ друга, въ зависимости отъ ихъ мѣста выхода. Нѣкоторые изъ нихъ сѣверно-великорусского происхожденія, нѣкоторые выселились изъ Рязанской, Тульской и другихъ губерній. Есть нѣсколько группъ монастырскихъ крестьянъ.

Кромѣ этого историко-сословнаго дѣленія, населеніе Орловской губерніи рѣзко дѣлится географически: на палѣховъ и степняковъ. Эти общеизвѣстные типы описаны еще И. С. Тургеневымъ. Ихъ описываютъ и разные бытописатели народной жизни.

Отличительной особенностью костюма палѣховъ является его бѣлый цвѣтъ: „у женщинъ вся одежда преимущественно холщевая, даже и головная повязка“. По праздникамъ у нихъ—шерстяныя домашняго издѣлія юбки, гл. обр, темно-синяго цвѣта, клѣтчатыя, а на головахъ бумажные платки разныхъ цвѣтовъ. Мужской костюмъ палѣховъ сходенъ съ бѣлорусскимъ и очень однообразенъ. Но женскій имѣетъ много варіацій по уѣздамъ и селеніямъ.

Есть и уѣзды и селенія съ преобладаніемъ поневъ и кичекъ. Д. О. Святскій устанавливаетъ для одного Сѣвскаго уѣзда пять различныхъ типовъ женской одежды. Д. К. Зеленинъ пытается дать къ нимъ историко-соціальныя поясненія. Между прочимъ, появленіе малорусской плахты у орловскихъ палѣхъ онъ объясняетъ тѣмъ, что „старинныя народныя моды вытѣсняли только, такъ сказать, низшіе костюмы—высшими, болѣе приличными и сложными“. Мысль

эта можетъ быть, и вѣрная, не объясняетъ однако наличность кичекъ при поневахъ-плахтахъ, хотя Д. К. Зеленинъ и утверждаетъ: „усвоивъ малорусскія плахты, сѣвскія удѣльныя крестьянки не перемѣнили однако же свои кокошники, кички и златоглавы на малорусскіе, новгородъ-сѣверскіе же очипки“ (177 стр.). Другое обобщеніе Д. К. Зеленина о женской одеждѣ орловскихъ палѣхъ именно, что они стоятъ ближе къ великорусской, нежели къ бѣлорусской, не объясняетъ еще, какъ они вытѣснили господствовавшій еще въ 1860 гг. бѣлый цвѣтъ (стр. 168), напримѣръ, въ Брянскомъ уѣздѣ, и какъ великорусская мода въ женскомъ костюмѣ согласовалась съ бѣлорусской модой въ мужскомъ костюмѣ орловскихъ палѣхъ. Все это, хотя отчасти, могло бы объяснить и исторію колонизаціи Орловской губерніи, и изученіе быта и жизни его населенія. Д. К. Зеленинъ даетъ обзоръ нѣкоторыхъ фактовъ изъ этой области, но ихъ, конечно, недостаточно. Вообще же Орловская губернія представляетъ большое поле для интересныхъ изслѣдованій этнографа.

Населеніе Калужской губерніи нѣсколько напоминаетъ судьбу смежной съ ней Орловской. Въ Калужской губерніи также большую роль играютъ палѣхи, живущіе въ Жиздринскомъ и частью въ Мосальскомъ, Козельскомъ и Лихвинскомъ уѣздахъ. Въ ихъ костюмѣ также выдѣляется бѣлый цвѣтъ, но для женскаго костюма характерны также поневы. Въ 1840-хъ гг. женщины носили кички, покрытыя бѣлымъ льнянымъ полотенцемъ или платкомъ, и клѣтчатыя поневы изъ синей и красной шерсти. Этотъ типъ одежды, въ старину былъ, вѣроятно, (думаетъ Д. К. Зеленинъ) и у неполѣсскаго населенія, но теперь онъ вытѣсненъ московскими сарафанами. Старая граница сарафановъ и поневъ въ Калужской губерніи совпадаетъ также съ старой границей сѣверно-великорусскихъ высокихъ избъ на подклѣтѣ и южно-великорусскихъ низкихъ хатъ. Говоры палѣховъ, лучше изученные, дополняютъ эту этнографическую картину. Въ губерніи имѣются также разныя другія (мелкія) этнографическія группы: медынскіе корелы, цокальщики, гамаюны, карамыши, цуканы, старовѣры и другіе. Въ Калужской гу-

берніи почти отсутствуютъ однодворцы, которые постепенно выселились отсюда въ болѣе южныя губерніи, а въ прошломъ они въ значительной степени должны были вліять на языкъ и бытъ мѣстнаго населенія.

Такимъ образомъ, и по Калужской губерніи отсутствіе достаточно-разработанныхъ историческихъ свѣдѣній оставляетъ рядъ интересныхъ вопросовъ матеріальной этнографіи, въ частности по костюму, почти въ неизвѣстности. Но надо полагать, что здѣсь возможны еще сборы дополнительныхъ матеріаловъ и историко-культурныя разысканія.

Въ населеніи Курской губерніи различаются четыре группы: 1) палѣхи-горюны—древнѣйшее населеніе, 2) однодворцы, 3) выходцы изъ-подъ литовско-польскаго рубежа (саяны), 4) позднѣйшіе барскіе переведенцы, называемые кое-гдѣ „цуканами". Горюны (Путивльскаго уѣзда) отличаются и по говору и по костюму: сохранился полѣсско-бѣлорусскій типъ бѣлаго цвѣта, у женщинъ также—поневы. Однодворцевъ въ губерніи очень много: въ 1859 году помѣщичьи крестьяне составляли лишь 39,99 % населенія, однодворцевъ почти 60 %. Они почти всѣ—великоруссы. Ихъ больше всего въ Обоянскомъ, Курскомъ, Фатежскомъ, Щигровскомъ и др. уѣздахъ. Говоръ ихъ изслѣдованъ довольно значительно. Особую группу представляютъ выходцы съ запада—саяны. Ихъ женскій костюмъ двойственепъ: поневы (съ прошвой) и сарафаны („саяны"), цвѣтъ костюма—черный; на головѣ сорока съ кичкой, безъ рогъ. Цуканы не имѣютъ ничего общаго съ саянами. На югѣ Великороссіи „цуканами" слывутъ всѣ поздніе переселенцы. Цуканы пришли сюда, главнымъ образомъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX столѣтій, какъ результатъ помѣщичьей колонизаціи. По костюму еще въ 1850-хъ гг. для деревенскихъ женщинъ губерніи (не однодворокъ) указываются „шерстяныя поневы или юбки, большею частью полосатыя и красныя, а для головного убора—повойники". Лингвистическія данныя и типы построекъ поддерживаютъ правильность группировки однодворческаго и крестьянскаго населенія.

Наконецъ, еще одна южно-великорусская губернія Воронежская—пополняетъ аналогичными данными всѣ предыду-

щія свѣдѣнія. Это—самая южная губернія, колонизованная въ XVI—XVII вв. военно-служилыми людьми, предками нынѣшнихъ однодворцевъ. Здѣсь они сосѣдятъ уже съ черкасами, т.-е. малороссами, вліянію которыхъ и подверглось населеніе Воронежской губерніи. Однодворцевъ здѣсь огромное число: по 5-ой ревизіи въ Нижнедѣвицкомъ уѣздѣ ихъ было 80, 7 % всего населенія, въ Воронежскомъ $60^1/_2$%, Коротоякскомъ 59,5 %, Землянскомъ 56,5 %, Задонскомъ 52,7 % и т. д. Крѣпостныхъ крестьянъ въ Воронежской губерніи въ 1859 году было всего лишь 26,9 %. Кромѣ того, воронежскіе служилые люди, предки нынѣшнихъ однодворцевъ, за рѣдкими исключеніями, были не знатны и невліятельны, оттого и московское дворянское вліяніе здѣсь было слабо, какъ думаетъ Д. К. Зеленинъ. Составъ ихъ пестрый: талагаи, щекуны, га́лманы и ягуны. Здѣсь имѣются и свои „цуканы", т.-е. монастырскіе крестьяне, позднѣйшіе переселенцы, имѣются и помѣщичьи крестьяне. Есть и малороссы (въ Богучарскомъ, Валуйскомъ уѣздахъ). Рядъ обстоятельствъ (отдаленность Москвы, неаристократическое происхожденіе, выходцы изъ тамбовско-рязанскихъ округовъ, вліяніе „цукановъ", бѣдность и безхозяйственность) былъ причиною того, что костюмъ однодворцевъ Воронежской губерніи не типиченъ: у нихъ сарафаны, кокошники и душегрѣйки встрѣчаются не часто, но, большею частью, ихъ замѣняютъ поневы и рогатыя кички. Въ нѣкоторыхъ селахъ женщины-однодворки ходятъ въ поневахъ и кичкахъ, а дѣвки въ сарафанахъ. У помѣщичьихъ крестьянъ повсюду господствуютъ рогатыя кички и поневы. Но типъ жилища въ большей части губерніи господствуетъ однодворческій.

Я нарочно остановился при обзорѣ населенія южно-великорусскихъ губерній на однодворцахъ, ихъ типѣ, костюмѣ, жилищахъ, взаимныхъ отношеніяхъ къ культурно-историческимъ типамъ крестьянскаго быта, чтобы подчеркнуть несомнѣнную крупную роль и вліяніе этого класса на формы и виды деревенскаго быта, которыя въ этнографіи разсматривались до сихъ поръ какъ нѣчто однообразное, неизмѣнное и несложное.

На самомъ же дѣлѣ, что могутъ значить даже самые добросовѣстные домыслы, напримѣръ, о воронежскомъ, курскомъ, орловскомъ орнаментѣ шитья, о типѣ головныхъ уборовъ по губерніямъ, о старинныхъ и новыхъ фасонахъ народной одежды, если при этомъ не приняты во вниманіе всѣ сложныя условія историко-культурныхъ вліяній, и въ данномъ, напримѣръ, случаѣ если изба однодворца, его юбка или сарафанъ будутъ приняты за крестьянскіе, или если не будетъ принято во вниманіе время колонизаціи данной мѣстности, эмиграціи изъ нея и разныхъ другихъ перемѣщеній.

Такимъ образомъ, и этнографъ, изучающій народный костюмъ, долженъ держаться принциповъ своего рода исторической этнографіи, т.-е. объяснять прежнія формы быта и культуры непремѣнно въ свѣтѣ историческихъ данныхъ.

Что же касается данныхъ этнографическихъ, то также несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться одной только схематической группировкой. Но полный анализъ этнографическихъ данныхъ, какъ я уже указалъ выше, возможенъ только при наличности систематически и научно собранныхъ коллекцій и описаній ихъ. Историко-культурная схема Д. К. Зеленина дала намъ только новую оріентировку въ дѣлѣ изслѣдованія народнаго женскаго костюма, но оріентироваться приходится все же среди почти неизслѣдованныхъ и почти неосвѣщенныхъ наукой массъ матеріала по костюму.

Чтобы показать, насколько такая оріентировка дѣйствительно трудна, отчасти чтобы дополнить схему Зеленина другими элементами южно-великорусскаго женскаго костюма, попробуемъ обратиться къ весьма интереснымъ и безспорно-цѣннымъ матеріаламъ Дашковскаго Этнографическаго музея.

Матеріалы эти, какъ извѣстно, собирались для этнографической выставки 1867 года въ Москвѣ; народный костюмъ въ пониманіи тогдашнихъ этнографовъ, любителей народной старины, доминировалъ надъ всѣми другими сторонами народнаго матеріальнаго быта, и потому именно костюмъ представленъ вышеуказанными матеріалами музея особенно заботливо. Можно даже прослѣдить тѣ четыре

группы восточно-славянскаго, т.-е. русскаго народнаго костюма, которыя ярко бросались въ глаза какъ тогдашнимъ собирателямъ, такъ и теперешнему обозрѣвателю коллекцій Дашковскаго музея: эти группы: сѣверо-великорусская, южно-великорусская, бѣлорусская и малорусская. Хотя костюмы представлены и размѣщены по губерніямъ, но болѣе детальной группировки ихъ, безъ сомнѣнія, не имѣлось въ виду представить, потому что, съ одной стороны, представлены далеко не всѣ губерніи, съ другой — такая, напр. группа, какъ малорусская, представлена по губерніямъ не всегда типичными костюмами, или такая, какъ бѣлорусская, далеко неполнымъ подборомъ видовъ бѣлорусскихъ женскихъ костюмовъ. Не мѣшаетъ также указать, что женскій костюмъ представленъ коллекціями по преимуществу, мужской же лишь отчасти, и что среди собраній женскаго костюма выдѣляются по количеству костюмовъ праздничные, при слабомъ подборѣ будничныхъ, костюмы горничные при слабомъ подборѣ костюмовъ верхнихъ лѣтнихъ и при почти полномъ отсутствіи костюмовъ верхнихъ зимнихъ,

Все это съ несомнѣнностью указываетъ, что въ 1860-хъ годахъ ярко бросался въ глаза своей оригинальностью, красочностью или занимательной комбинаціей формъ именно женскій горничный костюмъ, по преимуществу праздничный; несомнѣнно также, что тогда не было желанія вникать въ исторію развитія этого костюма, и лишь одна цѣль могла быть опредѣленно и настойчиво тогда поставлена: показать наиболѣе красочно и внушительно, что оригинальнаго, спеціально-народнаго хранитъ въ себѣ культура русскаго народа въ области своего костюма.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на такіе ограниченные предѣлы научныхъ задачъ, поставленныхъ себѣ собирателями дашковскихъ коллекцій, онѣ хранятъ въ себѣ, какъ необработанная руда, содержащая золото, тоже своего рода золото: цѣлый рядъ такихъ деталей въ покроѣ костюма, украшеніяхъ, шитомъ орнаметѣ и проч. и проч., которыя еще ждутъ своего изслѣдователя. Но этотъ изслѣдователь, какъ я уже указалъ, обязательно долженъ направить оріентировку своихъ изслѣдованій въ область историко-культурную.

Что это — такъ, обратимся хотя бы къ поверхностному осмотру тѣхъ же дашковскихъ коллекцій въ границахъ указанныхъ четырехъ этническихъ группъ, при этомъ не надо забывать, что въ коллекціяхъ имѣются огромные указанные выше пробѣлы, и что наблюденія по нимъ могутъ оказаться и научно-недостовѣрными. Однако я думаю, что послѣднее — недостовѣрность наблюденій — не будетъ безусловной, такъ какъ матеріалъ все же большой и цѣнный.

Обращаю вниманіе прежде всего на южно-великорусскую группу, именно на нѣкоторыя детали ея женскаго костюма, повторяющіяся въ соотвѣтственныхъ деталяхъ женскаго инородческаго костюма — волгофинскаго (мордовскаго, вотяцкаго, отчасти черемисскаго) и почти отсутствующаго въ костюмѣ остальныхъ трехъ русскихъ группъ. Прежде всего — это наличность бисера: бисерныхъ ожерелій, бисерныхъ назатыльниковъ (напр, у рязанскихъ женщинъ), налобниковъ, надвисочныхъ украшеній и т. п. Въ костюмахъ позднѣйшаго происхожденія бисеръ уже замѣненъ цвѣтными украшеніями изъ шерсти, лентъ, разныхъ матерій, при чемъ форма и размѣщеніе украшеній позволяетъ прослѣдить ихъ бисерный первоисточникъ. Бисеръ почти отсутствуетъ въ дашковскихъ коллекціяхъ для с.-в. группы, также бѣлорусской и малорусской. [1]) Но если мы обратимъ вниманіе на мордовскій костюмъ, въ немъ много идентичнаго. Изъ всѣхъ южныхъ и западныхъ славянъ, представленыхъ дашковскими коллекціями, онъ имѣется еще, и притомъ въ аналогичныхъ коллекціяхъ, у болгаръ.

Вторую деталь южно-великорусскаго костюма, чрезвычайно интересную, представляетъ нарядный назатыльникъ, (подзатыльникъ, позатыльникъ): у рязанокъ, тулянокъ, калужанокъ, тамбовокъ, воронежскихъ женщинъ — онъ бисерный; замѣняется онъ у нихъ краснымъ кашемиромъ, парчою или золотыми и другими лентами. Бисерный назатыльникъ весьма типично и ярко представленъ костюмами мордовокъ и вотячекъ. Интересно, что такая же деталь встрѣчается и у болгарокъ (по дашковскимъ коллекціямъ).

[1]) Имѣются указанія на существующія или существовавшія украшенія изъ бисера у сѣверо-великорусскихъ крестьянокъ. Но возможно, что здѣсь мы имѣемъ фактъ вліянія южно-великорусской культуры.

Третья деталь женскаго южно-великорусскаго костюма— нагрудникъ — стоитъ также въ связи съ волго-финскимъ костюмомъ. У рязанокъ Сапожковскаго уѣзда онъ шился изъ трехъ бѣлыхъ шерстяныхъ полотнищъ по поясъ, безъ рукавовъ, съ прорѣзомъ для продѣванія головы,—передъ по груди и плечамъ обшивался кумачомъ, на кумачъ въ 3—6 рядовъ накладывались ленты, къ нижнему краю— вытканный изъ красной шерсти тарачекъ. Въ Рязанскомъ уѣздѣ встрѣчались нагрудники, обшитые блестками. Иногда нагрудникъ вытѣсняется фартукомъ (передникъ, занавѣска, запанъ), разукрашеннымъ по типу нагрудника. При передникѣ (занавѣскѣ) носили расшитые нагрудники (бѣлые, шерстяные) и тулянки, калужанки, тамбовки, воронежскія крестьянки. Мордовскіе нагрудники, сплошь зашитые блестками, монетками и другими украшеніями, есть, несомнѣнно, варіація южно-великорусскаго нагрудника.

Обращаютъ на себя вниманіе также рукава ю.-в. женскихъ рубахъ, именно, та „краса“ на лицевой части рукавовъ, которая, вмѣстѣ съ расшитыми плечами, очень напоминаетъ богато расшитые мордовскіе, вотяцкіе и черемисскіе рукава. То же мы встрѣчаемъ и въ рукавахъ болгарокъ (по дашковскимъ коллекціямъ).

Въ головномъ уборѣ, кромѣ разсмотрѣнныхъ выше формъ ю.-в. кички и с.-в. кокошника, а также ю.-в. пазатыльника, интересны ю.-в. „наушники“ —это или висящія отъ висковъ надъ ушами и ниже бисерныя нити, или цвѣтныя шерстяныя кисти, или цвѣтные шерстяные пушки, иногда же и ленты. Наушники характерны также въ волго-финскомъ головномъ уборѣ, особенно бисерные. Бисерные же наушники мы встрѣчаемъ и у болгарокъ (по дашковскимъ коллекціямъ).

Если всего этого нѣтъ (за немногими исключеніями) въ группахъ сѣверно-великорусской, бѣлорусской и малорусской, а также у западныхъ и южныхъ славянъ, кромѣ болгаръ, то всѣ названныя детали женскаго костюма и нѣкоторыя другія, о которыхъ я здѣсь пока умалчиваю, заслуживаютъ самаго серьезнаго историко-культурнаго изученія.

Если онѣ находятся, дѣйствительно, во взаимныхъ культурныхъ отношеніяхъ къ костюму волго-финскихъ наро-

довъ, то исторія ихъ развитія представитъ немалый интересъ и для исторіи южно-великорусской культуры вообще Д. К. Зеленинъ въ своихъ экскурсахъ въ область южно-великорусскаго женскаго костюма доходитъ до эпохи первыхъ сѣверно-великорусскихъ колонизаціонныхъ выступленій въ „запустѣвшія“ южно-великорусскія степи, т.-е. до половины XVI столѣтія, и на этомъ рубежѣ застаетъ уцѣлѣвшія южно-великорусскія формы костюма—поневу и кичку—несмотря на наплывъ сѣверно-великорусскихъ—сарафана и кокошника. Я думаю, что научный анализъ выше мною указанныхъ формъ костюма можетъ повести еще дальше въ глубь временъ и, пожалуй, даже къ той доисторической эпохѣ, когда предки современныхъ балканскихъ болгаръ, въ извѣстной своей части, обитали на Волгѣ, назывались болгарами, были, какъ одни думаютъ, народомъ турецкаго происхожденія или, по мнѣнію другихъ, финскаго. Наличность интересныхъ деталей костюма въ болгарскихъ коллекціяхъ дашковскаго музея, аналогичныхъ съ южно-великорусскими и волго-финскими, если анализъ ихъ будетъ провѣренъ болгарскими коллекціями другихъ музеевъ, дастъ право говорить именно объ этой волго-болгарской эпохѣ.

Конечно, этотъ интересный вопросъ не можетъ быть поставленъ и разрѣшенъ въ изолированномъ видѣ. Онъ идетъ рука объ руку съ рядомъ другихъ смежныхъ съ нимъ вопросовъ, чрезвычайно сложныхъ, трудно обставленныхъ фактическими данными и потому такъ трудно разрѣшимыхъ. Это—прежде всего вопросъ о культурѣ вообще и въ частности матеріальной культурѣ мордвы, вотяковъ, черемисъ въ ихъ историческомъ прошломъ. Возможно, что южно-великоруссы дали формы и мотивы тѣмъ или другимъ проявленіямъ мордовской, вотяцкой, черемисской культуры, а тѣ уже развили эти формы и мотивы въ нѣчто національно-устойчивое. Возможно—и наоборотъ. Волго-финны дали толчокъ, формы и мотивы южно-великорусской культурѣ. Наконецъ, возможно и третье рѣшеніе вопроса: тѣ и другіе имѣли болѣе древній общій источникъ опредѣленныхъ формъ культуры и развивали ихъ, идя каждый своимъ путемъ. Я думаю, что на первыхъ порахъ въ исторіи южно-великорусскаго

костюма достаточно было бы ограничиться выясненіемъ волго-финскихъ и южно-великорусскихъ аналогій и отношеній ихъ къ другимъ финскимъ и славянскимъ группамъ.

Другой вопросъ, который здѣсь долженъ быть поставленъ по возможности ясно и рѣшеніе котораго должно быть учтено наличностью имѣющагося научнаго матеріала, это—вопросъ о южно-великоруссахъ. Конечно, здѣсь наибольшую услугу оказываетъ русская діалектологія, но и она стоитъ передъ цѣлымъ рядомъ вопросительныхъ знаковъ. Поэтому, если исторія южно-великорусскаго костюма хотя намѣтитъ нѣкоторыя географическія границы, историческія вліянія, культурныя смѣны, то и это уже будетъ значительнымъ завоеваніемъ въ исторіи великорусскаго племени.

Сѣверно-великорусская культура и сѣверные великоруссы вообще также представляютъ большой самостоятельный вопросъ, безъ котораго однако невозможно рѣшить вопросъ о южно-великорусскомъ костюмѣ. Мы уже видѣли въ экскурсахъ Д. К. Зеленина, какъ властно сѣверно-великорусская культура шла въ южно-русскія степи; но мы видѣли также, что еще болѣе властно царила тамъ архаическая народная южно-великорусская традиція. Если покопаться въ матеріальной культурѣ сѣверныхъ великоруссовъ, въ частности въ ихъ одеждѣ, то возможно, что и тамъ мы найдемъ или такіе архаизмы, которые существовали еще въ южно-русскихъ степяхъ, или такія болѣе новыя вліянія, которыя прошли черезъ южно-великорусскую среду. Не одинъ сарафанъ и кокошникъ составляетъ типичную форму сѣверно-великорусскаго костюма.

Отношеніе Бѣлоруссіи, Литвы, Польши къ южно-великоруссамъ частично отмѣчено уже и Д. К. Зеленинымъ, когда ему приходилось указывать на тѣ или другія формы и виды костюма, не укладывавшіеся въ его схему. Къ этому надо прибавить еще отношеніе ихъ къ славянамъ вообще и, наконецъ, къ западно-европейскимъ сосѣдямъ.

Всѣ эти вопросы такъ или иначе могли бы быть освѣщены, если бы имѣлась возможность пересмотрѣть и изучить хорошія музейныя собранія костюмовъ для соотвѣт-

ствующихъ народностей и, съ возможно-полными историко-культурными объясненіями, выдѣлить опредѣленные типы, виды и формы.

Есть и еще рядъ вопросовъ, возникающихъ при изученіи костюма, но уже другого порядка. Есть вопросы, которые разрѣшаются часто не столько научнымъ анализомъ, сколько любительской дивинацiей. Нерѣдко можно встрѣтить археолога, который, взглянувъ на орнаментъ черепка, называетъ вѣкъ, мѣсто и народность, создавшихъ этотъ черепокъ. Есть подобные же знатоки и этнографической старины. Я думаю, что теперь время Нибура прошло, и что опредѣлять предметъ старины надо только путемъ научнаго анализа. И орнаментъ, какъ опредѣлитель, не долженъ представлять въ этомъ случаѣ исключенія. Конечно, хорошо было бы, если бы въ наукѣ были установлены точно категоріи орнамента: сѣверно-великорусскаго, южновеликорусскаго, малорусскаго, бѣлорусскаго, литовскаго, польскаго и т. д. Но этого нѣтъ, и категоріи орнамента, напримѣръ, на костюмѣ, наука еще будетъ устанавливать попутно съ изученіемъ самаго костюма. Въ частности, что касается южно-великорусскаго орнамента, то здѣсь возможны и совершенно неразрѣшимые факты и, наоборотъ, очень поучительные. Если удастся намѣтить, напримѣръ, категоріи орнамента, стоящія въ связи только съ волго-финскимъ орнаментомъ, то это уже много будетъ говорить о взаимныхъ культурныхъ отношеніяхъ южно-великоруссовъ и финновъ. Если же для ю.-в. орнамента будутъ имѣться аналогіи и у финновъ, и у сѣверно-великоруссовъ, и у малороссовъ, и у поляковъ,— то вопросъ требуетъ уже новыхъ дополнительныхъ изысканій.

Въ виду важности изученія орнамента въ историко-культурномъ отношеніи мнѣ кажется совершенно непозволительнымъ вести музейное коллекціонированіе орнамента безъ отношенія къ костюму или другому предмету, къ которому онъ относится. Собрать на базарѣ города N сотни вышивокъ, сорванныхъ съ головныхъ уборовъ, обрѣзанныхъ и т. п. и удовольствоваться при этомъ огульнымъ указаніемъ некультурнаго продавца о мѣстѣ происхожденія вышивокъ, по

моему, не должно быть задачей музейнаго дѣятеля. Такія коллекціи, если и будутъ имѣть какое-либо научное значеніе, то самое ничтожное. По нимъ нельзя уяснить даже и такъ называемую „эволюцію орнамента“. Эта излюбленная нѣкоторыми этнографами тема, по-моему, можетъ быть разрѣшаема только при наличности опредѣленныхъ фактическихъ данныхъ для каждой эволюціонной фазы и для каждой формы орнамента. Если же эти данныя выводить отвлеченно и также отвлеченно представлять себѣ фазы эволюціи, то мы будемъ имѣть дѣло съ очень субъективными и шаткими экспериментами, едва ли полезными для науки. Вмѣсто эволюціи орнамента, предпочтительнѣе было бы остановиться на аналогіяхъ орнамента, его посредникахъ, его этнической и культурной средѣ, его хронологіи. Въ области костюма это особенно важно. Если, напр., орнаментъ опредѣленно встрѣчается только у поляковъ, бѣлоруссовъ, отчасти у южновеликоруссовъ, то рѣшеніе вопроса о посредникѣ орнамента для южно-великоруссовъ едва ли представляется труднымъ, особенно, если историческіе и другіе комментаріи дополняютъ бѣлорусско-южновеликорусскія взаимоотношенія. Если опредѣленный типъ орнамента, напр., у черемисовъ встрѣчается только какъ принадлежность ритуальнаго предмета, а у южно-великоруссовъ онъ встрѣтился безъ всякаго отношенія къ ритуалу, то первоисточникъ орнамента, кажется, ясенъ. Подъ хронологіей орнамента я разумѣю только фактическое датированіе на основаніи фактическихъ же историческихъ данныхъ. Здѣсь иногда можетъ помочь также техническій анализъ ткани, состава красящихъ веществъ и т. д. Но при этомъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что матеріи, шелковыя, шерстяныя и бумажныя нитки для вышивокъ и разныя другія средства украшенія приходили изъ далекихъ странъ. Пока еще народная память хранитъ старину, полезно также путемъ разспросовъ у знатоковъ въ народѣ возстановить что можно изъ этой старины. А иногда у нихъ хранятся и самые предметы, которымъ насчитывается много десятковъ лѣтъ.

Но вообще хронологія въ изученіи костюма, какъ она ни желательна, едва ли займетъ большое мѣсто, вслѣдствіе

трудности ея точнаго установленія. Для исторіи южно-великорусскаго костюма полезно было бы хотя бы намѣтить нѣкоторыя хронологическія вѣхи, по которымъ можно было бы оріентироваться въ путяхъ перехода тѣхъ или другихъ формъ, видовъ и типовъ отъ одной этнической группы къ другой.

Едва ли не больше результатовъ, чѣмъ отъ орнамента и хронологіи костюма, можно ожидать отъ изслѣдованія покроя костюма въ его настоящемъ и прошломъ. Между южно-великорусскими поневой и юбкой, малороссійской плахтой и сѣверно-великорусскимъ сарафаномъ имѣются переходныя ступени, стертыя однако временемъ, забвеніемъ старины, предрасположенностью къ новѣйшимъ модамъ. Возстановить подобные чистые типы этихъ видовъ костюма не такъ легко, но это—задача возможная и необходимая. Въ частности исторія южно-великорусской поневы много выигрываетъ въ своей ясности и опредѣленности, когда будетъ выяснено ея историческое и культурное отношеніе къ малороссійской плахтѣ.

Точно такъ же весьма поучительна была бы ясная картина покроя и другихъ принадлежностей южно-великорусскаго женскаго костюма: рубашки, надгрудника, передника, верхней одежды и т. д.

Въ частности, что касается сарафана, выступающаго у южно-великоруссовъ, какъ доказывалъ Д. К. Зеленинъ, черезъ посредство сѣверно-великорусской колонизаціи, то и относительно него, особенно относительно его сѣверно-великорусскаго происхожденія надо еще много подумать. Д. К. Зеленинъ сарафанъ считаетъ отличительной чертой сѣверно-великорусскаго женскаго костюма и къ области его относитъ и Москву; переходной области отъ Москвы къ югу въ этомъ отношеніи, по его мнѣнію, не существуетъ (стр. 54—55). Этотъ сарафанъ или „шубка“ (разновидность сарафана), какъ онъ указываетъ, былъ до Петра В. обычнымъ костюмомъ нашихъ боярынь. Но въ полѣсско-бѣлорусскомъ костюмѣ, при юбкѣ („андаракъ“), тоже имѣется сарафанъ („саянъ“), и Д. К. Зеленинъ считаетъ его костюмомъ недавняго происхожденія, явившимся здѣсь подъ вліяніемъ Литвы и Поль-

ши, „а Литва и Москва, по крайней мѣрѣ дворы владѣтелей этихъ двухъ смежныхъ и родственныхъ государствъ, находились, вѣроятно, во взаимныхъ вліяніяхъ одна на другую и по части одежды; за придворной модой слѣдовали бояре, а за ними и народъ“ (стр. 60). Это „вліяніе Литвы и Польши“, распространившееся, кстати сказать, и на Малороссію, Литвы и Польши, испытывавшихъ, въ свою очередь, вліяніе Европейскаго Запада, вопросъ очень сложный какъ въ отношеніи сѣверно-великорусскаго сарафана, такъ и южно-великорусской юбки. Во всякомъ случаѣ, его рѣшить можно не прежде, чѣмъ будутъ обслѣдованы всѣ пути, по которымъ шло сложеніе и развитіе этихъ великорусскихъ женскихъ костюмовъ.

Слѣдуетъ еще обратить вниманіе и на терминологію костюмовъ. Иногда и она можетъ дать нѣкоторыя руководящія нити. Такъ, напр., названіе сарафанъ, вовсе не великорусское и не европейское вообще, а персидское, оно произошло отъ персидскаго „сарапа“ или „сарапая“, бывшаго почетной одеждой. Не надо забывать, что у насъ при царскомъ дворѣ были мужскіе сарафаны или сарафанцы, начиная еще съ XIV вѣка; нѣсколько видовъ этого, несомнѣнно почетнаго сарафана, было и у царя Михаила Ѳедоровича. Быть можетъ, наличность этого термина обязываетъ этнографа сдѣлать нѣкоторые экскурсы и въ передне-азіатскіе предѣлы, изъ которыхъ къ намъ на сѣверъ пришло не мало фактовъ культуры. Здѣсь, кстати, можно вспомнить и о той роли казачества, которую оно играло въ исторіи какъ южно-русскихъ степей, такъ и московскаго государства. Конечно, какъ явленіе государственное, казачество сложилось недавно, въ XVI вѣкѣ, и Д. К. Зеленинъ, по-моему, совершенно основательно оперируетъ съ бытомъ южно-великорусскихъ казаковъ и служилыхъ людей, несшихъ свою культуру (сарафанъ, кокошникъ, говоръ) съ сѣвера.

Но при сложеніи казачества, какъ бытового явленія играли роль и инородческіе элементы. Мы знаемъ татарскихъ казаковъ ранѣе, чѣмъ появилось русское казачество. Мы знаемъ также русскихъ вольныхъ казаковъ азовскихъ, перекопскихъ, бѣлгородскихъ въ XV в., т.-е. раньше чѣмъ стали

сорганизовываться „городовые казаки“. Наконецъ, въ XVI в. городовые казаки не были многочисленны, тогда какъ въ это же время быстро усиливается вольное казачество донское и украинское (запорожское), при чемъ въ составѣ донского казачества имѣется много бѣглаго элемента изъ сѣверно-великорусскихъ предѣловъ, а также и инородческаго. Все это въ связи съ несомнѣннымъ азiатскимъ терминомъ сарафана, тою выдающеюся и авторитетною ролью, какую играло казачество въ исторiи сѣверно-великорусской Москвы, тѣмъ презрѣнiемъ къ боярству и боярамъ, которое питало къ нему казачество, имѣвшее общинное землевладѣнiе, самоуправленiе и свои привилегiи, позволяетъ поставить вопросъ о влiянiи московской дворянской культуры (сарафанъ, кокошникъ, говоръ) нѣсколько иначе, чѣмъ его ставитъ Д. К. Зеленинъ. Именно, быть можетъ, не московская дворянская спесь отдѣляла казаковъ и служилыхъ людей отъ крестьянской массы, а казачество само по себѣ, его традицiи и обычаи. Впрочемъ, этимъ еще не рѣшается вопросъ о сарафанѣ, кокошникѣ и говорѣ—они могли итти изъ сѣверно-великорусской Москвы, какъ это доказываетъ Д. К. Зеленинъ, но казачество также несомнѣнно имѣло свой азiатско-русскiй бытовой укладъ, и послѣднiй долженъ быть принятъ во вниманiе при изслѣдованiи костюма и говора южно-великорусскихъ однодворцевъ.

Къ тому же вопросу о терминахъ костюма относится и терминъ „кика“ и „кокошникъ“. Древняя Русь знала только терминъ „кика“ это — женскiй головной уборъ, въ видѣ открытой короны, передняя часть ея называлась „цка“ или „чело кичное“. По стариннымъ свадебнымъ обычаямъ, кику одѣвали на новобрачную. Въ позднѣйшее время кика стала уже бабьимъ головнымъ уборомъ,съ рогами. Конечно, и здѣсь возможно, что мы не имѣемъ достаточно свѣдѣнiй. Возможно, что бабья кика очень старый южно-великорусскiй уборъ, (рогатую кику мы знаемъ и у бѣлоруссовъ) и только терминъ его перешелъ къ нему съ древняго головного убора открытаго. Равнымъ образомъ терминъ „кокошникъ“, стоящiй въ лингвистической связи съ терминомъ „кика“, какъ явленiе болѣе позднее, представляетъ тоже не малый интересъ.

Напомню, что въ Полтавской губерніи казаки называются „кокошками“, возможно, что — отъ кокошника. Это еще разъ заставляетъ подумать о казачьей средѣ, какъ такой, гдѣ могли формироваться разныя южно-великорусскія бытовыя черты.

Цѣлый рядъ другихъ терминовъ изъ области южно-великорусскаго костюма, освѣщенныхъ историко-культурными комментаріями, можетъ дать весьма цѣнныя указанія какъ для исторіи великорусскаго племени вообще, такъ и его костюма, какъ, напр., термины: панева (понява, понька), шушпанъ, шушунъ, шугай, картышекъ, шорганъ, бостракъ, запонь (и запонъ), чинарка (поддёвокъ), калтатъ, мартушка (платокъ), желтякъ, кодманъ, сукманъ, катанка (занавѣска тульская), гытанъ (тамб., шнуръ), шалонъ (кашемиръ, тамб.), куфайка (воронеж.) и друг. Въ этихъ терминахъ тоже не мало слѣдовъ восточной культуры.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полезно будетъ составить хотя бы по частямъ, напр., по уѣздамъ, губерніямъ, если не по всей южно-великорусской области, алфавитный словарь терминовъ костюма, его шитья, техники вообще, орнамента костюма, съ поясненіями къ нимъ. Но больше и прежде всего, какъ я уже указалъ на одной изъ первыхъ старaницъ этого очерка, нужно приступить къ составленію карты костюма, въ данномъ случаѣ — для южно-великорусскаго района — по отдѣльнымъ небольшимъ районамъ: деревнямъ, волостямъ, уѣздамъ и т. д. не стѣсняясь, конечно, точными административными границами, но намѣчая свои — историко-культурныя. Такая карта, вмѣстѣ съ алфавитнымъ словаремъ терминовъ, положитъ солидное основаніе тому научному изслѣдованію народнаго костюма и его музейному коллекціонированію, о которыхъ я говорилъ въ началѣ очерка, когда ссылался на недостатки современныхъ музейныхъ коллекцій по русскому народному костюму.

Всѣ высказанныя въ настоящемъ очеркѣ наблюденія, замѣчанія и пожеланія вызваны были непосредственно интересными вопросами изъ исторіи южно-великорусскаго костюма. Цѣнная работа Д. К. Зеленина о „великорусскихъ говорахъ“ дала этимъ вопросамъ конкретную форму.

Исходя изъ нихъ, нетрудно убѣдиться, что для изученія даже такой спеціальной области этнографіи, какъ народный костюмъ, необходимо пользоваться самымъ широкимъ образомъ не только чисто-этнографическими данными, но и данными исторіи, археологіи, лингвистики, короче говоря, что этнографія описательная должна итти объ руку съ этнографіей исторической, чтобы расшифровать фрагменты народной старины въ области ли народнаго костюма вообще или въ болѣе спеціальной области народнаго южно-великорусскаго женскаго костюма.

Мною намѣченная постановка этихъ вопросовъ и способы ихъ разрѣшенія сопряжены съ немалыми трудностями. Требуется большой кадръ работниковъ, до извѣстной степени подготовленныхъ и согласованныхъ другъ съ другомъ; требуются и большія матеріальныя средства. Но такъ какъ нѣкоторыя солидныя какъ общественныя, такъ и научныя русскія учрежденія серьезно озабочены изученіемъ народной культуры Россіи, какъ, напр., земства, академія наукъ, музеи, ученыя общества, то можно надѣяться, что изученіе и коллекціонированіе русскаго народнаго костюма скоро перейдетъ изъ своего любительскаго, случайнаго и нерѣдко невѣжественнаго состоянія въ состояніе, достойное высокаго авторитета науки.

Вл. Богдановъ.

Ялта,
29 іюня 1914 года.

